

ВЛАДИМИР СОЛОНАРЬ

Сугацька Н.В. Геноцид проти єврейського населення Півдня України в роки німецько-румунської окупації (1941–1944 рр.). Дис. на здоб. наук. ступ. канд. істор. наук за спец. 07.00.01 (Історія України). – Миколаїв: Миколаївський державний університет, 2006. – 189 с.
НА ПРАВАХ РУКОПISУ

Дисертація Наталі Сугацької посвячена переследованню і истребленню єврейського населення на юге України – то єсть на території Одеської, Николаевської і Херсонської областей – в роки Другої світової війни. Об'єкт дослідження, таким образом, дуже широкий: мова йде про знищення сотень тисяч людей і чудовиських стражданнях інших сотень тисяч, про діяльність двох окупаційних адміністрацій – румунської, в губернаторстві Транснїстрія, і німецької, в південній частині рейхскомісаріату Україна, про злочини зйнятцгруп і стрільних команд румунської жандармерії, про антисемітську пропаганду, про відношення неєврейського населення, в першу чергу українського, до знищення євреїв, до політики радянського уряду по відношенню до них і т. п. Одного цього переліку достатньо, щоб усомнітися в тому, що всі ці питання можна розглянути в рамках однієї дисертаційної роботи. Але насправді завдання дисертанта було ще більш складним, оскільки перші 60 сторінок тексту зайняті введенням, історіографічним оглядом і розсудженнями про проблеми термінології і періодизації Холокосту в загальноєвропейському масштабі, які, строго говоря, не відносяться до предмету дослідження. Крім цього 32 сторінки тексту займає бібліографія. Отримується, що насправді дослідницьку частину дисертації відведено лише трохи більше ста сторінок. Абсолютно очевидно, що скільки-небудь глибокий аналіз якщо не всіх, то хоча б деяких з позначених проблем при такій обмеженій кількості сторінок провести неможливо.

Первой проблемой работы является, таким образом, ее недостаточная сфокусированность. Эта проблема тесно связана с другой и, по-видимому, даже обусловлена ею, – автор недостаточно ознакомлена с исследованиями проблем Холокоста на западноевропейских языках. Историографический очерк, содержащийся в работе, подтверждает это. Н. Сугацкая делит историографию Холокоста в Украине на советскую, постсоветскую, историографию (украинской) диаспоры, современную украинскую историографию и... «зарубежную историографию», которую она называет «довольно поверхностной вследствие недостаточного владения источниковой базой, так как [ее представители] не имели доступа к документальным источникам, хранящимся в украинских архивах» (с. 21). Действительно, долгое время советские архивы были недоступны зарубежным исследователям, но благодаря программе по выявлению и микрофильмированию документов из советских архивов, которую уже более пятнадцати лет проводят сотрудники американского Мемориального Музея Холокоста, большинство из этих документов доступно исследователям, и многие историки активно ими пользуются. Что еще более важно, бывшие советские архивы – далеко не единственное место, где хранятся важные документы по Холокосту в данном регионе. Чрезвычайно важными являются также немецкие документы, которые попали в США после Второй мировой войны, были микрофильмированы, каталогизированы и предоставлены в распоряжение исследователей с 1960-х гг. Разумеется, доступны они и в немецких архивах, куда были возвращены в свое время из США. Характерно, что в содержательной части своей диссертации, когда речь идет об освещении событий Холокоста, Н. Сугацкая активно цитирует донесения эйнзатцгруппы D, пользуясь с этой целью публикациями их переводов на русский язык. Однако то, что переведено, – это лишь малая толика архивных ресурсов Германии и США по данной теме. Румынские архивы также были полностью открыты после падения коммунизма в этой стране, копии почти всех материалов из них имеются в Мемориальном музее Холокоста. Н. Сугацкая не использовала источники ни на немецком, ни на румынском языке. Вправе ли она упрекать «зарубежных» историков в «поверхностном знании» истории Холокоста в Украине из-за недоступности для них украинских архивов?

Но вернемся к тому, как Н. Сугацкая освещает «зарубежную» историографию Холокоста. Тут она подходит к проблеме предельно широко: много места, например, в ее работе занимают рассуждения о дискуссии об «уникальности» этого явления в мировой истории, которые, строго говоря, имеют весьма отдаленное отношение к ее теме. Говорит она и о «распространенности концепции опровержения и ревизии Холокоста» на Западе (с. 22), хотя работы авторов этого направления не пользуются

ни малейшим доверием в тамошних академических кругах и представляя собой маргинальное явление. Включение обзора этих работ в библиографический очерк обусловлено, по-видимому, тем, что они доступны в переводе на русский язык. Однако последнее обстоятельство скорее отображает ситуацию в России, чем на Западе.

В то же время Н. Сугацкая игнорирует практически все работы на английском и немецком языках по истории Холокоста в Украине – скорее всего, она просто незнакома с ними¹. Между тем, знание этих работ абсолютно необходимо для плодотворной постановки исследовательских задач, поскольку целый ряд дискуссий в международных академических кругах о таких проблемах, как, например, степень автономности в принятии решений в области антиеврейской политики у местных властей, частей СС и армии; значение противоречий между армией, СС и гражданской администрацией для эволюции антиеврейских мер, могут дать импульс для новаторских подходов к использованию источников из украинских архивов. Наш личный опыт работы с документами советской Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников, а также с документами советских судебных процессов над коллаборационистами подсказывает, что эти источники (а именно их, наряду с опубликованными документами, использует диссертант) могут быть полезны для разработки еще одной проблемы, ставшей в последнее время особенно актуальной, а именно: отношение, степень участия и причины поддержки определенной частью нееврейского населения антиеврейских мер, а также противодействия им в различных формах, прежде всего в форме оказания помощи преследуемым евреям.

Этой проблеме посвящена одна из глав диссертации (35 страниц), но, к сожалению, данный текст не умножает наших знаний по теме. Дело здесь, как и в целом в рассматриваемой работе, в том, как именно используются источники диссертантом: они не анализируются,

¹ Назовем лишь недавние и наиболее известные работы: *Angrick A. Besatzungspolitik und Massenmord: Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943.* – Hamburg: Hamburger Edition, 2003. – 795 S.; *Berkhoff K. C. Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule.* – Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2004. – XIII, 463 p.; *Dean M. Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–44.* – New York: St. Martin's Press, 2000. – XX, 241 p.; *Kooperation und Verbrechen: Formen der «Kollaboration» im östlichen Europa 1939–1945 / Hrsg. Ch. Dieckmann.* – Göttingen: Wallstein, 2003. – 319 S.; *Lower W. Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine.* – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2005. – XVIII, 307 p.; *Pohl D. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien, 1941–1944: Organization und Durchführung eines Staatlichen Massenverbrechen.* – München: Oldenbourg, 1996. – 453 S.; *Weiner A. Making Sense of the Second World War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution.* – Princeton: Princeton University Press, 2001. – XV, 416 p.; *Finder G. N., Prusin A. V. Collaboration in Eastern Galicia: The Ukrainian Police and the Holocaust // East European Jewish Affairs.* – 2004. – Vol. 34. – № 2. – P. 95–118. Историография румынской антиеврейской политики в южной Украине менее богата, но и она недавно пополнилась рядом важных исследований. Наиболее подробной книгой является: *AnceJ J. Transnistria, 1941–1942: The Romanian Mass Murder Campaigns.* 3 vols. – Tel Aviv: Tel Aviv University, 2003.

не сопоставляются, им не задаются новые вопросы, не формулируются гипотезы, подтверждение или опровержение которых автор пытается найти в используемых документах. Эти материалы привлекаются для иллюстрации заранее сформулированных выводов. Приведем лишь один пример. Параграф 3.1 «Расстрелы еврейского населения Южной Украины в начальный период немецкой оккупации» охватывает 15 страниц (с. 65–79). В самом его начале, на с. 67, автор заявляет: «нацистская оккупация Юга Украины происходила одновременно с началом третьего этапа реализации плана “окончательного решения еврейского вопроса”, основным содержанием которого стало тотальное массовое физическое истребление еврейского населения на оккупированной территории. Основной целью оккупантов было превращение захваченных территорий в “юденфрай” – землю, освобожденную от евреев. Ввиду этого, в Южной Украине, в отличие от других регионов Советского Союза... немцы оккупанты не считали нужным создавать гетто и места изоляции и концентрации евреев. ...Вслед за боевыми частями немецкой армии в каждый населенный пункт срочно прибывала оперативная команда СС и айнзацгруппа [так в тексте. – В.С.]... и в течение 10–15 дней после этого издавался соответствующий приказ, в соответствии с которым организовывалось выявление... и уничтожение евреев в данном населенном пункте». Далее, вплоть до самого конца (с. 78), следует описание, составленное из длинных цитат из советских источников, о том, как проходили такие акции в Николаеве, Херсоне, Вознесенске, и делается вывод: «Таким образом, акции массового уничтожения еврейского населения [указанных] городов были организованы захватчиками на протяжении первых двух месяцев после оккупации. В ходе этих акций было уничтожено абсолютное большинство евреев, которые жили в этих местах». Все это, безусловно, верно, но стоило ли приводить цитату за цитатой на протяжении 12 страниц, чтобы сделать вывод, который, по сути, повторяет то, что было заявлено в начале параграфа?

Другие выводы, к которым приходит диссертант, также вполне предсказуемы: что Холокост был заранее спланирован и беспощадно проведен на территории Южной Украины, что основная часть евреев в немецкой зоне была уничтожена в первые месяцы оккупации, а в румынской зоне антиеврейская политика была менее «последовательной» и поэтому части евреев удалось выжить, что только незначительная часть украинцев участвовала в антиеврейских кампаниях, а в целом антиеврейская политика не пользовалась поддержкой украинского населения. Все эти выводы были сформулированы другими авторами, которых Н. Сугацкая обильно цитирует и с которыми она соглашается, что само по себе не плохо, но в чем же состоит вклад самой диссертантки в углубление наших знаний по этой проблеме?

В работе содержатся и просто фактические ошибки. Например, на с. 88 приводится указание на соглашение, якобы заключенное между Германией и Румынией 19 июля 1941 г., о переходе под румынское управление территории между Днестром и Южным Бугом, а также о якобы заключенном одновременно с ним соглашении между гестапо и румынской службой безопасности (Сигуранца) о евреях Транснистрии. Оба эти утверждения неверны: ни между правительствами, ни между тайными полициями обеих стран такие соглашения в указанное число не подписывались. Характерно, что приведенные данные не подкреплены ни одной ссылкой – ни на первичный, ни на вторичный источник. Вообще трактовка румынской политики, «непоследовательность» которой в «еврейском вопросе» якобы объяснялась тем, что немецкому давлению в сторону ужесточения такой политики сопротивлялись румынское правительство (!), король Михай, патриарх Румынской православной церкви и Совет евреев Румынии, – голословна, частично ошибочна (патриарх, например, не протестовал против антиеврейских мер) и основана на весьма приблизительном понимании румынской внутривойсковой ситуации (с. 52, 93–94, 115, 119, 120). Любопытно, что утверждение о якобы имевшем место «противодействии» румынского правительства немецкому давлению противоречит приводимому самой же диссертанткой утверждению А. Зинченко, с которым Сугацкая соглашается, что «румынская власть была полностью солидарна с гитлеровским режимом в проведении репрессивных мер по отношению к евреям» (с. 90)². Тезис о том, что Бессарабия и Буковина назывались Малой Румынией, а остальная часть страны – Великой Румынией (с. 114, 119), не соответствует действительности. Термин «Великая (или Большая – *Mare*) Румыния» применялся (и сейчас еще применяется) для обозначения Румынии в границах после Первой мировой войны и до 1940 г., когда территория страны включала ряд провинций, которые Румыния была вынуждена уступить своим соседям – Советскому Союзу, Венгрии и Болгарии – в 1940 г. Нам неизвестно употребление термина «Малая Румыния».

Одно наблюдение автора нам показалось убедительным и важным, а именно – что большинство материалов антисемитского характера, которые появились в периодической печати в Южной Украине оккупационного периода, было подготовлено вне этого региона и написано на западном диалекте украинского языка лицами, знавшими о международной политике гораздо больше, чем могли знать местные журналисты (с. 153–155).

² Анализ движущих сил и динамики румынской антисемитской политики, а также роли германского фактора в ней см.: International Commission on the Holocaust in Romania. Final Report / Eds. T. Friling, R. Ioanid, M.E. Ionescu. – Iași, 2005. – P. 57–70, 243–254; *Balta S. Rumänien und die Grossmächte in der Ära Antonescu, 1940–1944.* – Stuttgart, 2005. – S. 212–220, 290–298.

В заключение хотелось бы процитировать, вслед за Н. Сугацкой, белорусского исследователя Е. Розенבלата: «Уровень и масштабы исследований в области проблематики Холокоста могут служить своеобразным показателем интегрированности любой новейшей национальной историографии в общемировые тенденции исторических исследований» (с. 25, 47). Диссертация Н. Сугацкой свидетельствует о том, какой путь должна еще пройти украинская историография, пока такое состояние будет достигнуто.